

- ⁶ Стенограмму конференции см.: URL: <http://www.finam.ru/analysis/conf0000100288/default.asp> (дата обращения: 10.12.2012).
- ⁷ См.: *Сергеев С. А.* Политическая оппозиция в современной России (федеральный и региональный аспекты) : дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 2005.
- ⁸ Подробно см.: *Москалев А. Е.* Указ. соч.
- ⁹ См.: *The Russian Awakening*. November 2012. A Joint Paper by the Carnegie Moscow Center. URL: http://carnegieendowment.org/files/russian_awakening.pdf (дата обращения: 12.12.2012).
- ¹⁰ Эксперт Центра Карнеги Мария Липман – о «Пробуждении России». URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24789123.html> (дата обращения: 12.12.2012).
- ¹¹ См.: *Изменения политических настроений россиян после президентских выборов*. Доклад экспертов Центра стратегических разработок Комитету гражданских инициатив. URL: <http://www.csr.ru/images/docs/doklad%20.pdf> (дата обращения: 12.12.2012).
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: *Новая протестная волны: мифы и реальность*. Доклад экспертов Фонда развития гражданского общества. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/13> (дата обращения: 12.12.2012).

УДК 32+004.9:659.4

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНФОРМАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. Н. Выводцев

Саратовский государственный университет
E-mail: m838om@mail.ru

В статье речь идет о различных трактовках многомерного проявления информационно-коммуникационных процессов взаимоотношений власти и общества в современных условиях. На основе исследования основных научных подходов автор предлагает свое понимание роли информации и информационно-коммуникационных отношений как стратегической цели и одновременно важнейшего инструмента политической и социально-экономической модернизации в условиях перехода к постиндустриальному обществу.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные процессы, свобода доступа к информации, политическая модернизация, транспарентность политического управления.

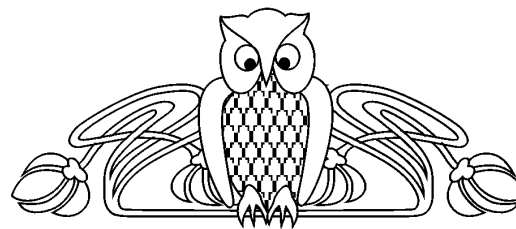
Main Scientific Approaches to Informational Component of Modernization in Modern Russia

V. N. Vyvodtsev

This article is about different approaches to multidimensional sides of informational and communicational processes of interrelations between the government and society in contemporary life. Investigating main scientific approaches the author offers his own conception of the role of information and communicational relations as a strategic goal and the most important tool of political and social-economic modernization within the process of transition to postindustrial society.

Key words: informational and communicational processes, freedom of access to information, political modernization, transparency of political governance.

Одной из самых противоречивых в отечественной политологии и обществоведении в целом в постсоветский период является проблема выбора эффективной модели политической и социально-экономической модернизации России. Различные ее аспекты обсуждаются в рамках

дискуссий, посвященных проблематике не только непосредственно модернизации, но и транзитологии, глобалистики, идеологического дискурса и других направлений анализа постсоветских преобразований, отражающих выбор стратегии и тактики общественно-политического развития страны.

В рамках статьи не ставится задачи рассмотреть все имеющиеся в отечественной литературе на сегодняшний день научные подходы к трактовкам модернизации, их видам и особенностям. Главная задача заключается в том, чтобы показать основные тенденции в эволюции концепций модернизации во взаимосвязи с теми тенденциями, которые характерны для многомерного проявления информационно-коммуникативных процессов взаимоотношений власти и общества в современных условиях. Это предполагает, на наш взгляд, выделение трех взаимосвязанных аспектов в концепциях политической модернизации. Первый аспект состоит в выявлении тех тенденций, которые имеют место в различных концепциях в определении роли информации и свободы слова (в широком смысле этого слова) как основы демократии и стратегической цели модернизации в условиях перехода к постиндустриальному обществу. Второй аспект заключается в изучении феномена доступа к информации (прежде всего официальной) как важнейшего фактора демократизации всех сфер общественной жизни и эволюции политического управления и политической системы в целом. Наконец, третий аспект состоит в рассмотрении функциональности информации и информационно-коммуникативных технологий как инструментов и барьеров модернизации.

Остановимся на некоторых из данных аспектов. Исходный тезис состоит в том, что одним из

базовых условий и показателей демократии является свобода слова и информированность граждан о политике и важнейших общественных проблемах. Однако главным для нас является теоретико-методологический посыл о том, что интерпретация сущности и функциональности данного феномена не остается неизменной, что она динамична и отражает не только технологические инновации, определяющие новые возможности информационно-коммуникативных взаимоотношений власти и общества, но и динамику самих представлений об эффективной модели демократии. Противоречивые процессы глобализации, информационной открытости представляет собой фундаментальное основание изменений теории демократии и модернизации в современных условиях.

Большинство исследователей модернизации признают, что свобода слова – важнейшая цель демократии и одновременно базовый инструмент демократизации взаимоотношений власти и общества. По сути дела, расшифровки прав человека в области свободы слова длительное время лежали в основе теорий демократии и, соответственно, большинства концепций модернизации. Акцент в них делался на обеспечении свободы мнений, мировоззрений, идеологий как на индивидуальном, так и на институализированном уровнях. В широком смысле концепция модернизации предполагала процесс перехода от традиционного к постоянно меняющемуся современному обществу и включала в себя целый ряд взаимосвязанных и взаимозависимых аспектов, определяющих эффективное общественное функционирование на основе базовых прав и свобод граждан, обеспечивающих их активное и осознанное участие в политической жизни.

Неслучайно известный немецкий исследователь Ю. Хабермас отмечал, что «понятие модернизации относится к целой связке кумулятивных и взаимно усиливающих процессов»¹. К положительным результатам процессов модернизации он относил, прежде всего, формирование капитала и мобилизацию ресурсов; развитие производительных сил и повышение продуктивности труда; осуществление центральной политической власти и формирование национальных идентичностей; расширение политических прав участия, развитие городских форм жизни, формального школьного образования; расширение секуляризации ценностей и норм и т. д.²

Такое понимание модернизации в виде однолинейного процесса продвижения разных стран по пути либеральной демократии как единственно возможного варианта социального прогресса высшего своего пика достигло в так называемом конце истории Ф. Фукуямы³, провозглашенном в связи с крахом СССР и социализма как альтернативного общественно-политического устройства. Его восприняла и до сих пор придерживается значительная часть либерально ориентированных российских исследователей.

Относительно второго избранного аспекта (феномен доступа к информации) необходимо рассмотреть основные трактовки модернизации и демократизации всех сфер общественной жизни в целом, имеющие место в отечественной литературе в постсоветской России.

В отношении модели российской модернизации исследователи делают акцент на трех основных аспектах, которые определяют и соответствующие направления анализа: агенты модернизации, «национальные особенности, мешающие “чистоте” реакции»⁴ и мировой контекст ее проведения.

Среди апологетов либеральной модели, избранной в начале 1990-х гг., видное место занимал один из ее авторов и реформаторов-практиков – Е. Т. Гайдар. По его мнению, главная причина неудач внедрения данной модели заключалась в том, что ее не удалось осуществить полностью в результате сопротивления партноменклатуры, социокультурной архаичности населения и других факторов. Выход один – реализовать данную модель последовательно и до конца: «Если удастся “расшить” социально-экономическое пространство, завершить либерально-демократическую эволюцию государства, тогда Россия имеет все шансы занять достойное место в цивилизации XXI века... Чтобы сохранить наше государство, мы обязаны его радикально преобразовать, собрать всю свою политическую волю для решения этой задачи... Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Эта система называлась по-разному – самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название “державность”. Но сущность всегда была одна – корыстный, хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией»⁵.

Оценивая данную модель в контексте нашего исследования, можно отметить, что в ее рамках именно в отношении свободы слова в 1990-е гг. в России был достигнут максимальный прогресс. Тем не менее он никоим образом не помог Гайдару и его команде ни провести «цивилизованным» способом приватизацию, ни сформировать конституционно закрепленные нормативно-правовые и институциональные основы демократической политической системы. Общепризнанно, что основные потенциальные предпосылки авторитарного развития страны были заложены в Конституции 1993 г. при самой активной поддержке и непосредственном участии Е. Т. Гайдара и его сторонников. То же самое можно сказать и о сложившейся структуре и характере отечественной экономики.

Данная негативная структура имеет прямое отношение и к информационно-коммуникативным аспектам модернизации современной России. По мнению А. Рябова, при сохранении нынешней структуры национальной экономики «большая часть жителей страны не будет иметь доступа к

достижениям современной цивилизации, в том числе и в том, что касается качества жизни <...> 63% населения России не умеет пользоваться компьютером и еще бóльшая его часть не знает Интернета, а значит, исключена из современного социального пространства и коммуникаций. У этих людей нет возможности интегрироваться в “новую экономику”, и они обречены жить в условиях отсталых социально-экономических укладов, которые разрушаются и становятся все более примитивными. Политические последствия этого могут оказаться серьезными: такие слои неизбежно станут воспроизводить консервативно-патерналистские настроения, с которыми будет вынуждена считаться любая власть»⁶.

В результате того, что реальные политические процессы на постсоветском пространстве и в мире в целом оказались намного более сложными, противоречивыми и конфликтными, «либеральный манифест» и слепое безальтернативное копирование либеральной модели преобразований уже в 1990-е гг. были подвергнуты критике как в отечественной, так и в западной политической науке.

Например, И. Валлерстайн, обосновывая миросистемный подход к анализу социально-политических и социально-экономических процессов, отмечал, что «мы имеем как диалектический процесс одновременного создания однородного мира и отличающихся друг от друга национальных культур в его рамках, так и диалектический процесс одновременного создания однородных национальных культур и различных этнических групп или “меньшинств” внутри наций-государств»⁷.

Главной проблемой для теоретиков демократизации и модернизации становится возможность «применить теории и идеи, почерпнутые из опыта передовых стран, в трактовке быстро сменяющихся друг друга крайне запутанных событий, происходящих в слаборазвитых странах»⁸. Кроме того, противоречивые процессы, происходящие на постсоветском пространстве и в целом ряде других стран, вставших на путь модернизации, также актуализируют необходимость отказа от заимствования даже хорошо зарекомендовавших себя моделей модернизации.

Например, однолинейное понимание модернизации, которое было избрано либерал-реформаторами в России в начале 1990-х гг., очевидно закончилось провалом по всем обозначенным направлениям. В то же время Китай, который избрал модель приоритета экономической модернизации, в условиях сохранения стабильности большинства элементов существовавшей политической системы (весьма далекой от идеально-типических образцов демократии, в том числе и в отношении коммуникаций между властью и обществом) добился потрясающих экономических и социальных успехов и выходит на лидирующие позиции на мировой арене. Примеры авторитарных модер-

низаций в Чили, Южной Корее и многих других странах также опровергают одновременную взаимообусловленность политических и социально-экономических преобразований как обязательную предпосылку их успешности.

Различные варианты реализации модернизации (как успешные, так и половинчатые, и регрессивные) опровергают достаточно распространенную точку зрения на логику социального прогресса, в соответствии с которой «социально-экономическая модернизация приводит к ослаблению внешних ограничений свободы выбора, увеличивая материальные, когнитивные и социальные ресурсы личности. Это приводит к усилению акцента на ценностях самовыражения, а оно, в свою очередь, ведет к нарастанию в обществе требований в пользу гражданских и политических свобод, гендерного равенства и “отзывчивости” властей (responsive government), способствуя формированию и укреплению институтов, в наибольшей степени соответствующих максимальной свободе выбора, – одним словом, демократии»⁹.

Тем не менее идеализированные представления о гуманистическом векторе модернизации продолжают иметь место в отечественных исследованиях. Типичный пример такого некритического отношения к западноевропейской модели общественно-политического развития является собой обоснование В. К. Левашовым оптимальности для России ее выбора. В качестве ключевых аргументов в пользу своей позиции автор выделяет из опыта успешных экономических реформ в Европе и Азии наличие фундаментальных социополитических принципов устойчивого развития государства, которые должны соблюдаться наравне и в согласованности с национальными особенностями социально-экономических и политических отношений:

«Во-первых, принцип рациональной экономической свободы, на основе которой формируется смешанная экономика, обеспечивающая необходимое количество рабочих мест и достаточное производство товаров и услуг для общества.

Во-вторых, трудовые отношения в обществе выстраиваются на принципах социального партнерства государства, наемного труда и работодателей.

В-третьих, принцип обязательного государственного регулирования рыночных отношений, достижение оптимальных для общества, природы и человека уровней и соотношений производства и потребления.

В-четвертых, государство во всех своих действиях преследует соблюдение принципа социальной справедливости, что сопровождается перераспределением общественного продукта в пользу менее трудоспособных и нуждающихся.

В-пятых, соблюдается принцип демократического коллективного управления производством и социальной сферой общества, обеспечивающий

оптимально возможную степень социальной солидарности»¹⁰.

По мнению автора, соблюдение этих принципов «сводит отчуждение между обществом и государством до минимума». Хотя он и признает, что «ни в одной из стран они не существуют в чистом виде», но генеральная тенденция развития «выстраивается вдоль гуманистического вектора усилий мировой цивилизации. Уровень и характер производительных сил и технологий в развитых странах потребовал установления правил планетарного общежития, совокупность которых составляет сущность социально ориентированного управления как в планетарных, так и в национальных масштабах»¹¹.

Подобная идеализация представляется лишней серьезного научного обоснования, особенно с учетом тех изменений в политических и социально-экономических системах западно-европейских стран, которые произошли после распада СССР и мировой социалистической системы. Последняя, как нам представляется, была одним из главных факторов демократизации и гуманизации капиталистических стран в период холодной войны и противостояния двух альтернативных общественно-политических систем. После устранения данного внешнего фактора наступление неоконсервативных сил на социальные завоевания граждан западноевропейских стран стало явным и признается большинством западных исследователей. Особенно очевидным это наступление стало в условиях затянувшегося мирового финансового и экономического кризиса, что привело к обострению борьбы самых различных слоев населения против такой политики (Греция, Испания, Португалия и многие другие страны вновь стали ареной массовых выступлений и социальных конфликтов).

Что касается планетарного управления, то война в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, участие США и НАТО во многих других вооруженных конфликтах с наглядностью продемонстрировали суть его «гуманизации». На самом деле она основывается на преимуществах технологического превосходства: минимизация собственных потерь, дистанционно управляемая «бесконтактная» война, «умные» бомбы и ракеты и т. д. Но сути насильственного вмешательства в дела суверенных государств это не меняет. Более того, обозначенная «гуманизация» военного вмешательства извращает и сущность гуманистических ценностей для большинства населения западноевропейских стран, так как превращает их граждан в пассивных созерцателей превосходства «белого» человека над «варварскими» нецивилизованными народами. Превращение войны в информационно-коммуникационный повод и зрелищное шоу для населения извращает суть ценностей толерантности и мультикультурности, фактически очерчивая сферу их применения и значимости границами пространства либеральной цивилизации.

Поэтому настоятельные рекомендации автора выбрать стратегию социальной солидарности, отход от конфронтационных идеологий и переход «к этике устойчивого развития на основе традиционных гуманистических ценностей, коллективизма, взаимопомощи, трудового самоуправления»¹² вполне можно принять как разумные и соответствующие социокультурным традициям России, но с поправкой на достаточно жесткую конкурентную среду на мировой арене, где защита национальных интересов продолжает играть стратегически значимую роль.

Еще одним аргументом в пользу либеральной модели модернизации чаще всего выдвигают именно активное внедрение инновационных информационно-коммуникативных технологий. Неслучайно, что одни из известных специалистов в политологическом анализе их роли в политической жизни важнейшим инструментом реализации наиболее значимых социальных сверхзадач последних десятилетий называют широкий доступ к официальной информации.

Сверхзадача номер один – «повышение качества публичных услуг, обеспечиваемое ответственностью их поставщиков перед потребителями. Этот подчеркнута неидеологический, хозяйственно-рыночный императив лег в основу целого пула программ, инициатив, экспериментов и новых практик, появившихся в развитых странах и получивших обобщенное название административных реформ. Новую «демократию потребителей», конечно, не стоит рассматривать в качестве вершины социального развития, но она доказала свою адекватность и актуальность в условиях постмодерна с его доминирующим индивидуализмом и размыванием общественного капитала. Административные реформы с опорой на демократию потребителей уже записали на свой счет целый ряд полезных управленческих инноваций и общественных достижений»¹³.

Иными словами, повышение эффективности функционирования публичных органов власти и государства в целом ставится в зависимость от мнения потребителей, от качества предоставляемых ими услуг населению. «Необходимым условием обеспечения такой «власти потребителя» является широкий доступ граждан к информации о деятельности органов публичной власти и государственных учреждений. Таким образом, информационная открытость власти выступает одновременно задачей и средством административной реформы, нацеленной на создание эффективного государства. Эффективного – значит открытого»¹⁴.

Особенно большое значение отводится данному направлению совершенствования публичной власти в борьбе с главной социальной дисфункцией государства, которой, с точки зрения потребителя, является коррупция. О том, что главным инструментом в борьбе с этим вечным спутником и атрибутом власти является доступ

к официальным документам и информации, свидетельствует Конвенция ООН по борьбе с коррупцией, принятая в декабре 2005 г. В ней наряду с принципами эффективности и прозрачности работы госслужащих закрепляются такие объективные критерии, как безупречность работы, справедливость и способности¹⁵. Конвенция закрепляет публичность закупок и публичного финансового управления (ст. 9) и публичную отчетность (ст. 10).

Особое значение придается участию общества в решении этой важнейшей социальной проблемы (ст. 13):

«1. Каждое Государство-участник принимает надлежащие меры, в пределах своих возможностей и в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства, для содействия активному участию отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора, таких как гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на базе общин, в предупреждении коррупции и борьбе с ней и для углубления понимания обществом факта существования, причин и опасного характера коррупции, а также создаваемых ею угроз. Это участие следует укреплять с помощью таких мер, как:

а) усиление прозрачности и содействие вовлечению населения в процессы принятия решений;

б) обеспечение для населения эффективного доступа к информации;

в) проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции, а также осуществление программ публичного образования, включая учебные программы в школах и университетах;

д) уважение, поощрение и защита свободы поиска, получения, опубликования и распространения информации о коррупции. Могут устанавливаться определенные ограничения этой свободы, но только такие ограничения, какие предусмотрены законом и являются необходимыми:

i) для уважения прав или репутации других лиц;

ii) для защиты национальной безопасности, или публичного порядка, или охраны здоровья или нравственности населения.

2. Каждое Государство-участник принимает надлежащие меры для обеспечения того, чтобы соответствующие органы по противодействию коррупции, о которых говорится в настоящей Конвенции, были известны населению, и обеспечивает доступ к таким органам для представления им сообщений, в том числе анонимно, о любых случаях, которые могут рассматриваться в качестве представляющих собой какое-либо из преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией»¹⁶.

Как представляется, это действительно одно из самых весомых и реально социально значимых достижений западной либеральной модели демократии, которое имеет смысл использовать в качестве стратегического приоритета российской модернизации политической системы и публично-управления. Однако при этом важно учитывать, что высокая отдача от внедрения инновационных информационно-коммуникативных технологий в рамках либеральной модели обусловлена наличием хорошо развитой структуры институтов гражданского общества и длительного опыта их соучастия в решении различных социальных проблем.

В России такая структура гражданского общества не сложилась (в силу совокупности вполне определенных конкретно-исторических причин, требующих отдельного всестороннего изучения). Поэтому простое перенесение данного опыта на российскую почву может превратиться в формальное его нормативно-правовое закрепление и функционирование в виде очередного демократического симулякра. Поэтому акцент целесообразно делать на адаптации его институционального применения в условиях современной России, когда важнейшим актором укрепления самого гражданского общества выступает государство.

Примечания

- 1 Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне*. М.: Прогресс, 2009. С. 8.
- 2 Там же.
- 3 См.: Фукуяма Ф. *Конец истории и Последний человек* / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: Изд-во АСТ, 2004.
- 4 Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества. Перепечатка с сайта Института социологии РАН. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/O_naz_osoben.pdf (дата обращения: 08.12.2012).
- 5 Гайдар Е. *Государство и эволюция. Дни поражений и побед*: в 2 т. М.: Евразия, 1997. Т. 1. С. 168.
- 6 Рябов А. «Самобытность» вместо модернизации: парадоксы российской политики в постстабилизационную эпоху. М.: Гендальф, 2005. С. 17.
- 7 Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире* / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. С. 141.
- 8 Чилкот Р. Х. *Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы*: пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 325.
- 9 Инглхарт Р., Вельцель К. *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое издательство, 2011. С. 13.
- 10 Левашов В. К. *Россия на развилке социополитических траекторий развития // Мониторинг общественного мнения*. 2011. № 3 (103). Июль-август. С. 22.
- 11 Там же.
- 12 Там же.

¹³ Афанасьева О. В., Афанасьев М. Н. Наш доступ к информации, которой владеет государство / общ. ред. М. Н. Афанасьева. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 14–15.

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. URL: http://www.unodc.org/documents/russia/Reports/08-50028_R.pdf С. 10 (дата обращения: 08.12.2012).

¹⁶ Там же. С. 16.

удк 329.1

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Б. А. Жедь

Ульяновский государственный университет
E-mail: zhed88@mail.ru

В статье речь идет об особенностях социального ресурса современных российских партий как основе их конкурентоспособности, о рисках тех новейших технологий, которые применяются в процессе межпартийной и электоральной борьбы в решении задач расширения социальной базы.

Ключевые слова: социальный ресурс партий, конкурентоспособность политических партий, политические риски, политические технологии.

Social Resource of Competitiveness of Modern Russian Political Parties

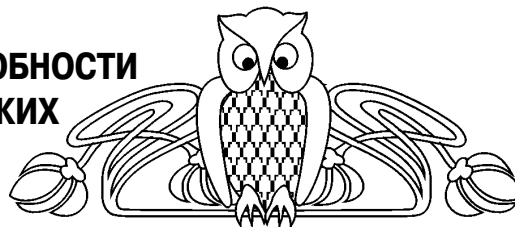
B. A. Zhed

The article discusses features of social resource of modern Russian parties as basis of their competitiveness and risks of new technologies, which are used during the process of interparty and electoral struggle to solve tasks of expansion of social base.

Key words: social resource of parties, competitiveness of political parties, political risks, political technologies.

Среди отечественных политологов и политиков идут споры о том, имеет ли место в современной России прогресс демократии, или же такого прогресса нет. Протестные движения 2011 г., в которых проявились сомнения граждан относительно достоверности результатов выборов в российский парламент, вывели на первый план в этой дискуссии проблему конкуренции и конкурентоспособности различных субъектов российской политики, политических партий в первую очередь.

Те, кто считают, что конкуренция в России имеет место и развивается, как того требуют принципы либеральной демократии, указывают на стабильно работающую избирательную систему, на прочность и постоянное совершенствование ее законодательной базы, на оптимизацию структуры партийной системы в России за последнее десятилетие. Это те базовые условия, которые в совокупности позволяют всем многочисленным субъектам российской политики спокойно и уве-

ренно выходить со своими интересами и ресурсами на сцену политики и там легально конкурировать друг с другом, продвигая демократический процесс вперед. Протестные же выступления и высказывания, если придерживаться такой точки зрения, лишь мешают нормальной политической конкуренции. Те же, кто считают, что никакой реальной конкуренции нет, указывают на несовершенство электорального законодательства и, главное, на тот пресловутый «административный ресурс», который в большинстве случаев делает участников политического процесса неравными в конкурентной борьбе за политическую власть. С этой точки зрения сегодня в России наблюдается торможение демократического процесса и даже его регресс.

В этих спорах довольно часто упоминают то «большинство граждан», которое поддерживает позицию, заявляемую участниками политических дискуссий. Научой и политической практикой давно доказано, что позиции любого политического субъекта, от государства до гражданина, в политическом процессе тем прочнее и устойчивее, тем конкурентоспособнее, чем более они обеспечены ресурсом социальной поддержки. Наблюдается и обратная закономерность: самая сильная своим авторитаризмом государственная власть и самый «непотопляемый», казалась бы, в политике индивид (общественный лидер например) быстро теряют свою социальную субъектность в тех случаях, когда лишаются этого ресурса социальной поддержки. На почве этих обстоятельств возникает жесткая конкуренция за социальный ресурс. В результате со временем многое меняется в содержании и формах политики, но интерес к «мнению народному», выражаясь словами А. С. Пушкина из его исторической драмы «Борис Годунов», есть у самых разных политических элит, в первую очередь партийных элит. Партия – это особенный политический институт, способный легитимно синтезировать ресурс социальный с ресурсом государственным (в случае прихода партии к власти и даже в случае пребывания партии в легальной оппозиции институтам государственной власти, когда за ней резервируется некий обязательный